

П. В. Голубовский

История Северской земли

Петр Васильевич Голубовский

История Северской земли

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17181876

История Северской земли./ Голубовский П. В.: Кучково поле; Лавандр;

Москва; 2013

ISBN 978-5-9950-0322-9

Аннотация

Книга русского историка Петра Васильевича Голубовского (1857–1907) «История Северской земли», написанная на основе тщательного анализа летописных текстов и археологических материалов, – одно из самых обстоятельных исследований по истории данного региона. Труд посвящен истории северян, восточнославянскому племени, издавна жившему по берегам рек Десны, Сейма и Сулы. Автор говорит о северянской колонизации, привлекая свидетельства летописей, арабских и греческих источников, археологические данные. При этом он уточняет, что достоверная история северян начинается со времен подчинения их хазарам задолго до зарождения государственности в Киеве и продолжается до 1356 г., когда Северская земля теряет самостоятельность. Отдельная глава посвящена распространению и развитию христианства, с которым северяне познакомились до принятия его в Киеве. Новаторская особенность исследования П. В. Голубовского заключается в привлечении археологического

материала и сопоставлении его с письменными источниками, что до начала XX в. оставалось редким исключением.

Содержание

Глава I	6
Глава II	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Петр Васильевич Голубовский

История Северской земли

*И ныне, господа отци и братья, оже где ся буду
описалъ, или переписали, или не дописалъ, читите
исправлявая занеже книги ветшаны, а умъ молодъ
не дошелъ.*

(Лаврентьевская летопись. С. 463–464)

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Глава I

Очерк северянской колонизации

Вся местность к востоку от Днепра представляет возвышенную плоскость, перерезываемую долинами рек Дона и Донца, текущими к югу, благодаря наклону ее в этом направлении, а в западной части долинами рек Десны и Сожа, направляющимися к юго-западу, вследствие наклона ее в этом направлении. Вся северная часть этой плоскости покрыта была в древности дремучими лесами, занимавшими верхнее течение Десны и ее северных притоков, а также бассейн Оки и Волги. К югу характер местности несколько изменялся. В бассейне Десны шли еще леса, остатки которых можно видеть еще и теперь на нижнем ее течении в виде довольно больших заросших пространств; в других же местах поросли кустарников, группы деревьев свидетельствуют о когда-то бывших здесь лесных чащах. Леса, шедшие по бассейну Десны, соединялись на востоке с лесами бассейна Дона, от которых теперь осталось немного, но которые еще в XVII в. сохранялись там. О существовании лесов в данной местности в древнее время свидетельствует летопись, помещая близ реки, Оскола, на Дону «Черный лес»¹.

Затем в XVII в. упоминаются по Донцу и Дону Разумянский и Пузацкий леса². Еще далее к югу местность переходила

дила в степь. Среди этих дремучих лесов протекали многоводные реки: Десна с своими притоками Сновью, Сеймом, и брали начало Дон и его приток, Донец, идущие к Азовскому морю, небольшими волоками соединяющиеся с Сеймом и Волгой. Первый волок у верховья Сейма и Донца, второй – у изгиба Дона и Царицына на Волге. Таким образом бассейн Десны соединялся с Каспийским и Азовским морями.

На севере Десна своими верховьями сближалась с областью Оки чрез Угру, или своим притоком, Нерусой, с Орликом, притоком Оки. Дон, в свою очередь, своими верховьями подходил к Окской системе. Десна же соединяла эту местность с Днепром, а чрез него – с Черным морем. В настоящее время большая часть этих рек негодна для судоходства, в особенности притоки. По некоторым из них теперь совершается сплавное судоходство, и только Дон и Десна, и то не на всем течении, носят небольшие суда даже вверх. Но не то было в прежнее время: находимые до сих пор обломки больших судов в Замглае и у верховьев Остра³ показывают их прежнюю многоводность. Благодаря обилию лесов, глубоким рекам, богатству естественных произведений и своему географическому положению эта местность должна была издавна иметь население, для развития культуры которого были все данные.

В этой-то местности, по рекам Десне, Семи (Сейму) и Суле, жило славянское племя северян⁴. Так наш древний летописец определяет область северского поселения, обозначая

этим не более как его центральные части.

Но еще раньше нашего летописца мы находим известие греческого географа, Птолемея, жившего во II столетии после Р. Х., о народе савари (savari), помещаемом им приблизительно в той же местности⁵. Это упоминание, как мы увидим ниже, оказывается для нас небезынтересным. В той области, которую очертил летописец, северяне не оставались: самое положение страны, занимаемой ими, способствовало расселению их во все стороны, а существование вблизи таких пунктов, которые задолго до Р. Х. славились торговлей, служило притягательной силой для этого движения. К югу их должно было тянуть развитие торговли по берегам Азовского и Каспийского морей, с другой стороны они должны были стремиться на север, в область своих соседей, муромы, мери, и родственных славянских племен, вятичей и радимичей. Но, однако же, расселение по двум этим направлениям шло не в одинаковой степени. Сначала колонизация на север, в область муромы, мери, радимичей и вятичей, шла исключительно с целью добывания мехов, никакие другие интересы не побуждали к укреплению северянских колоний в этих областях, между тем к югу тянуло процветание берегов Азовского и Черного морей в промышленном и культурном отношении. Тут мы опять натываемся на известие в таблице Певтингера, что около Дона есть край Саврика (Saurika)⁶, а Гвидо Равенский говорит, что около Океана (вероятно, Черного моря) есть государство (patria) роксоланов, савриков и

савроматов⁷. Доказанное славянство роксоланов⁸, сходство имен северян, савилов и савилов заставляют нас не упускать из вида этих данных при дальнейшем ходе исследования, тем более что они подкрепляются более ранним известием, также о сплошном населении по бассейну Дона, Птоломее, который у изгиба последней реки помещает танаитов, т. е. донцов, еще несколько других племен и у устья Дона, по берегам Азовского моря, роксоланов⁹. Таким образом, эти различные племена, разрозненные или нет до Р. Х., как бы являются в христианскую эпоху в виде государства, основанного на федеративных началах. Это известие о их федерации, может быть, указывает на то, что все эти племена, офалоны, и осилии, и савилы, принадлежали вместе с роксоланами к одному славянскому корню. В последнем известии танаиты, может быть, совпадают с савилами предыдущего: последние могли быть так известны в древнее время потому, что Дон брал свое начало в их области, что они преимущественно занимали его бассейн своими поселениями. Как бы то ни было, мы переходим теперь к позднейшим арабским известиям, которые прольют нам еще более света на подонские поселения.

В позднейшее время роксоланы являются под именем руссов, территория которых лежит по берегу Азовского моря: у них явилась и Тмутаракань¹⁰. Известия об этих руссах мы встречаем у арабов рядом с известиями их о славянах,

подчиненных Хазарскому царству. От них мы узнаем, что по Волге и Дону были славянские поселения. Так, все они называют Волгу и Дон славянскими реками¹¹, что могло произойти только в случае, если реки эти принадлежали славянскому населению. Когда в VIII столетии происходила борьба между арабами и хазарами, то арабский полководец дошел до славянской реки и напал на славян, разоривши до 20 000 домов¹². Река, у которой он остановился, должна была быть Доном, потому что в противном случае он дошел бы до самой столицы Хазарского царства, Итиля. К ряду этих известий относится заметка другого арабского писателя первой половины X в., который говорит, что «...между большими и известными реками, впадающими в море Понтус, находится одна, называемая Танаис, которая приходит с севера. Берега ее обитаемы многочисленным народом славянским и другими народами, углубленными в северных краях»¹³. Наконец, самое Азовское море, выше названное Русским, получает название Славянского¹⁴.

Таким образом, по известию арабов видно, что по Дону, Волге и берегам Азовского моря жило славянское племя.

Обратимся теперь к другим фактам.

Когда в 912–913 гг. киевские руссы явились на своих судах к устью Азовского моря, т. е. к Керченскому проливу, то просили позволения у хазарского кагана пройти чрез него, войти в Дон и проплыть по Волге в Каспийское море, пере-

тащивши, конечно, волоком свои суда из Дона в Волгу. Это позволение было дано, и руссы совершили свой знаменитый набег на южные страны¹⁵. Такое обстоятельство заставляет нас предполагать, что Керченский пролив был укреплен, что на его обоих берегах были построены крепости или города. Действительно, в картах XI в. мы встречаем на юго-восточном берегу город Таматарху, нашу Тмутаракань. Он начинает быть известен в нашей летописи со второй половины X в., именно с 988 г.¹⁶

Следя за историей Северской земли, мы невольно замечаем какую-то глубокую связь между нею и последним городом. При разделе уделов в 1054 г.

Тмутаракань была причислена к уделу Северской земли, во все время своего существования сохраняла с нею тесную, неразрывную связь. Это является не простым случаем, а есть следствие родственности тмутараканского населения с населением Северской земли. Память о ней сохранялась даже в XII в. и осталась в литературном произведении, «Слове о полку Игореве»: «Див кричит на верху дерева, заставляя обратить внимание [на поход Игоря] Волге и Поморью, Посулью, и Сурожу, и Корсуню, и тебе Тмутаракань»¹⁷. В этих словах заключается обращение ко всему тому, что утеряли славяне при наплыве в южные степи кочевников: и волжские, и поморские поселения, и «тебя, Тмутаракань»!

Наконец, в нашем вопросе важную услугу оказывает ар-

хеология: «Можно указать на положительное сходство в орнаментации и самой конструкции вещей Кубанской и Терской области с некоторыми пряжками и фибулами позолоченными из черниговских курганов (Гульбища и др.¹⁸)». Постараемся теперь свести все собранные нами данные. Арабские писатели говорят нам о сплошном славянском населении по Дону, а ход истории и археология подтверждают родственность его с северянами. Этот вывод вместе со сходством имен савриков, савиров и северян заставляет думать, что Певтингеровы таблицы, Гвидо Равенский и Птоломей говорят о тех же поселениях, что и арабы, т. е. что эти поселения принадлежали северянам и были там уже в первые века христианства, если еще не раньше. По крайней мере, можно утверждать, что северяне занимали свою территорию гораздо раньше предполагаемого переселения славянских племен с Дуная¹⁹.

Наша летопись вообще темно говорит о первоначальной истории Руси, в особенности об ее юговосточных окраинах, но, судя по некоторым позднейшим фактам, можно найти и тут подтверждение сделанного нами вывода о сплошном славянском населении по Дону.

Известно то торговое значение этих местностей в самое отдаленное время, которое было притягательной силой для славянского населения. Эта торговля осталась даже и после занятия кочевниками южнорусских степей. Гораздо позднее, в XII в., мы встречаем на юге торговые пути: Залозный,

Соляной и Греческий. Эти пути должны быть отнесены к очень давнему времени. Пути предполагают необходимо существование мест стоянки, потому что неестественно, чтобы на протяжении от Канева до Дона и на всем течении последнего не было укрепленных мест, в которых бы товары могли укрыться от кочевников. Это заставляет предполагать существование поселений в южных степях и особенно по Дону, которое нельзя не признать остатками прежнего сплошного населения в его бассейне. Мы уже видели город Тмутаракань. Далее по Дону мы встречаем город Саркел, называемый в наших летописях Белой Вежей. Что это был за город? Было ли это целое поселение или только укрепление?

По известиям Константина Багрянородного, этот город, Саркел, построен греческими инженерами по просьбе хазарского кагана как оплот со стороны кочевников, занявших к тому времени южные степи. Таким образом, Саркел является просто укреплением, выросшим вдруг на берегах Дона. Если бы это было так, то оно бы навсегда и осталось с таким значением и было бы только занято гарнизоном, а жителей иметь не могло, потому что селиться около него было небезопасно, а само укрепление не могло быть обширно, если только оно было построено с целью передового поста.

Странный факт мы встречаем при известии нашей летописи об этом Саркеле, противоречащий несколько ее характеру. Сколько бы она ни приводила иностранных имен, они являются хотя исковерканные, но все-таки целиком, между

тем тут мы не встречаем и упоминания о Саркеле, а только о Белой Веже; отсюда ясно, что имя Саркел летописи известно не было, а она знала этот город под именем Белой Вежи. Это наводит на предположение, что первоначальное название его есть славянское, и впоследствии, со времени подчинения северян хазарам, последние перевели его дословно словам – «Саркел», что, по объяснению ученых, означает «Белый город». Если это так, то первоначально это было славянское население, стоявшее на важном месте у изгиба Дона, благодаря которому было важно по своему торговому положению. Желание обезопасить этот торговый пункт, где совершался волок из Дона в Волгу, и заставило хазарское правительство укрепить его, обнести «городом», т. е. построить стены. Наша мысль подтверждается переселением жителей Белой Вежи в 1117 г. в Русь²⁰, в Северскую область, что служит доказательством славянства ее населения и родства с северянами²¹. Выходцы поселились у верховьев Остра, где в XVII в. было городище Белая Вежа²², а в настоящее время немецкая колония, Белемешь²³. Они выселились, вероятно, потому что трудно было разрозненному населению Подонья отстаивать от кочевников свою независимость, когда родная земля не могла им дать помощи, поскольку почти до 1117 г. вела борьбу за сохранение своей самостоятельности от притязаний Мономаха и киевлян. К этому времени также относится падение Тмутаракани, оставленной севе-

рянами без поддержки. Таким образом, мы видим два значительных города, из которых первый имел и стратегическое и торговое значение, а второй – более первое. Однако же это были не единственные города по бассейну Дона; их должно было быть довольно, судя по сохранявшимся в XVII в. городищам²⁴. Это были небольшие поселения, вначале не укрепленные, но, со времени занятия кочевниками южных степей, огородившиеся. Кроме этих остатков, указывающих на сохранение населения в степях в период кочевников, мы находим еще несколько названий городов, которые летопись называет половецкими, – это Шарукань, Сугров, Балин, Чешлюев, упоминающиеся при походах русских князей в южные степи²⁵. Судя по этим известиям, все они находились на Дону, под которым здесь нужно разуметь Северский Донец²⁶.

Своим основанием они относятся к отдаленной эпохе, или до занятия степей кочевниками, или к периоду занятия, когда началась борьба с ними населения Подонья. Что эти города не были половецкими, – на это указывает то обстоятельство, что «...половцы не были устроителями городов и, занимая оставленные другими народами городища, не могли укреплять и отстаивать их»²⁷. Нахождение этих городов в области перечисленных нами городищ заставляет и последние отнести к эпохе им современной. Названия этих городов уже даны им при занятии их половцами, по именам за-

нявших половецких ханов²⁸. Однако же из перечисленных городов в XII в. не все еще были заняты половцами. Когда в 1111 г. русские князья ходили на землю Половецкую, то первый город, с которым они встретились у верховьев Донца, был Шарукань. И вот князья вместо того, чтобы брать его силой, посылают вперед процессию духовенства, с хоругвями и крестами, и сзади только следуют войска. Жители навстречу этой процессии отворили ворота и вынесли мед и рыбу²⁹. Этот обстоятельный рассказ нашей летописи заставляет нас видеть в населении города остатки некогда бывшего в этой местности сплошного славянского населения. Занятие рыбной ловлей могло принадлежать и кочевникам, но пасечное хозяйство для них было невозможно. Но еще страннее самый способ взятия города: князья не хотят проливать крови, а посылают вперед духовную процессию, чего бы они не сделали, если бы город был занят половцами, потому что это только могло раздражить их еще более. Ясно, князья рассчитывали на обратное действие и знали, почему. Сугров они сожгли, потому что он не хотел сдаться. Но и тут является вопрос: был ли он населен половцами или родичами шаруканцев? Употребляя такое средство при взятии Шаруканя, князья, видимо, боялись встретить в этом славянском населении сопротивление себе. Шаруканцы отнеслись сочувственно к религии, а сугровцы могли отнестись к ней более равнодушно. Но понятно, что это не более как предположение, а что касается Шаруканя, то едва ли можно спорить против сла-

вянства его населения.

Эти оставшиеся города и городища рисуют нам целую картину борьбы коренного славянского населения с нахлынувшими кочевниками. Когда надвинулись последние, жители Подонья должны были укрепить свои жилища городами. Сначала борьба была еще не так трудна благодаря тому, что население находило опору в Хазарском царстве, а потом, по падении его, в первых киевских князьях, которые вели систематическую борьбу с кочевниками, когда междоусобия еще не раздирали так сильно Русь. Но после 1054 г. начавшаяся борьба между сыновьями, а потом между внуками Ярослава I оставила население юго-восточных окраин совершенно без поддержки: северяне не могли поддерживать своих земляков среди постоянных опустошений своих коренных областей. Последовала потеря Тмутаракани и ее области; затем и на Дону стало трудно держаться северянам, и они принуждены были отступать все далее и далее на север к пределам родной области и частью подкрепить собою поселения Донца, частью совершенно переселиться в Северскую область, чему пример мы видим на Белой Веже. Усилившееся поселение по Донцу начало борьбу против кочевников, но и тут постепенно должно было уступать им свою территорию. Мы видим здесь города, захваченные половцами, но видим также города и с христианским населением. Это население занимало целую линию городищ, вглубь степи по Донцу, и направлялось к системе соляных озер, столь необходимых

для Руси. Стремлением очистить путь к этим озерам г. Аристов объясняет поход 1170 г. – Мстислава и 1184 г. – Игоря³⁰. Это население должно было вести постоянную борьбу с кочевниками и, хотя не могло нанести им особенного вреда, но зато служило лучшим оплотом для Северской земли. Торговое и поэтому сметливое население Подонья и Тмутараканской области, благодаря своему положению попавшее в необходимость издавна вести борьбу с окружающим его врагом, приобрело стойкость и неустрашимость, а чрез знакомство с врагом и местностью получало большой вес в глазах Северской земли. Издавна привыкшее, еще со времени хазар, к свободным учреждениям, оно, благодаря сложившимся обстоятельствам, выработало в себе еще более независимый характер и стало поэтому в некоторое натянутое отношение к Руси. Это население представляет прототип казачества: это были бродники.

Служа оплотом со стороны кочевников, бродники были вместе и убежищем всем, кому тяжело приходилось от княжеских усобиц. Чем далее шло время, тем более это общество людей должно было усиливаться, и, наконец, в 1147 г. они являются на стороне новгород-северского князя, Святослава Ольговича, защищая удельно-вечевой порядок от централизационных попыток черниговских князей, Давидовичей. Они явились к нему на помощь, когда он был в области вятичей³¹.

В 1223 (1224) г. бродники еще раз являются в битве на

Калке, в союзе с татарами. После погрома русского войска все почти князья бежали с поля битвы к Днепру. За ними бросилась часть татар. Но киевский князь Мстислав с двумя другими князьями укрепился на холме и стал отбиваться. Татары предложили им сдаться, и воевода бродников, Плоския, целовал князьям крест, что они будут выпущены за выкуп. Но князья, сдавшись бродникам, были ими повязаны и выданы татарам³².

Из этого рассказа видно, что бродники жили где-то в степи, составляя особенную корпорацию с воеводой во главе, и что они были, несомненно, христиане. Это подтверждает нашу мысль о подонских поселениях северян и заставляет в остатках их видеть этих бродников.

Таким образом, история юго-восточных окраин Северной земли разделяется на две половины: первая заключает в себе период сплошного населения их, затем отступление на север, и вторая, когда северянская колонизация начала вновь свое движение к юго-востоку и прекратилась нашествием татар.

Обратимся теперь к колонизации в северном и северо-восточном направлении, сказавши несколько слов о центральных областях Северной земли.

Мы говорили уже, что северяне издавна жили по берегам Десны, Сейма и Сулы. Таким образом, они должны были граничить на западе Днепром с полянами, на юге с тиверцами и уличами, на северо-западе с радимичами и кривичами, на

севере с вятичами, на северо-востоке с муромой, а на востоке с волжскими болгарами. Такие соседи были у северян в то время, когда юг еще не был занят кочевниками. Юго-восточные границы их мы уже видели. С очень древнего времени мы встречаем у северян города Чернигов, Любеч, Переяславль, на важное значение которых указывает упоминание их в договорах Олега и Игоря с греками³³, а также рассказ Константина Багрянородного о торговле Византии с этими городами³⁴. На основании сказанного отнести их к княжеской эпохе, по нашему мнению, невозможно: торговое значение в то время не могло приобретаться вдруг, да и наша летопись не преминула бы упомянуть об основании таких важных в истории древней Руси городов, если бы оно совершилось в действительности.

Кроме этих городов нам интересен еще Курск, находившийся на самом востоке центральной области северян. Он упоминается в летописи первый раз под 1095 г., но это не мешает нам отнести его ко временам докняжеским, на что указывает его положение на пути торговли с востоком: он стоял на том месте, где совершался волок из Донца в Сейм. Доставка русских мехов совершалась в сильной степени и из Северянской земли, откуда они могли являться только чрез Курск, как пункт соединения двух водных систем Десны и Дона. В Житии св. Феодосия о нем упоминается как о богатом, торговом городе, куда очень рано проникло даже хри-

стианство³⁵. Все это заставляет нас предполагать, что Курск обязан своим происхождением исключительно своему географическому положению и относится к весьма отдаленной эпохе. Он в историческую эпоху является вторым городом после Чернигова, на что указывает то обстоятельство, что Владимир Мономах сам сидел в Чернигове, а в Курске посадил своего (второго) сына Изяслава. Курск служил звеном, соединяющим Чернигов с Тмутараканью. Только впоследствии он уступает свое значение Новгород-Северску.

Упомянутые города, по всей вероятности, были укреплены, т. е. города в собственном смысле, но по бассейну Десны, Сейма, Снови, Остра должны были идти многочисленные поселения. Впоследствии по разным причинам возникали новые укрепленные местности. К числу их принадлежат важные пункты, как Новгород-Северск, Глухов, Трубецк, Путивль, Сновск, Рыльск, Стародуб.

Новгород-Северск упоминается первый раз в 1141 г. и уже как главный город удельного княжества, но возникновение его должно отнести к более ранней эпохе. Когда на юге кочевники стали сильно теснить славянское население и вежи их с двух сторон охватили Русь, придвинувшись к самому Курску, тогда уже последний не мог служить центром восточной части Северской земли благодаря постоянным беспокойствам со стороны кочевников, поэтому он должен был перейти в глубь Северской земли, ближе к Чернигову, что интересно было для северских удельных князей. Все это за-

ставляет нас отнести возникновение этого города к княжеской эпохе, ко времени Олега Святославича.

Обратимся теперь к распространению северян на запад. Днепр не служил действительной границей между последними и полянами. Так, мы видим поселения последних на левой стороне Днепра: они простирались от устья Десны до речки Кордни³⁶. В свою очередь и северянские поселения в местности около Любеча переходили за Днепр и занимали его правый берег. Здесь в XI–XII вв. порубежным местом с черниговской стороны является Речица³⁷, стоящая на правой стороне Днепра. Это стремление на правый берег обуславливалось торговым значением Днепра. На юге мы видели соседство северян с уличами и тиверцами. Наша летопись помещает здесь северян только по Суле, но, очевидно, они занимали пространство от Сулы до Днепра, территорию позднейшего Переяславского княжества, а на востоке их поселения сливались с населением Подонья. Позднее с наплывом кочевников граница с ними установилась по Хоролу на его левом берегу³⁸. В этой местности северяне не носили другого какого-либо названия, кроме своего племенного, и загадочные суличи явились, по всей вероятности, благодаря искажениям, вкравшимся в летопись³⁹.

Рассмотрим теперь отношения северян к соседним славянским племенам, радимичам и кривичам. Радимичи жили по Сожу, который, приближаясь своими верховьями к бас-

сейну Оки, служил путем из Поднепровья в Поволжье⁴⁰.

Таким образом, радимичи лежали на очень важном пути, который сохранял свое значение даже в XII в., как дорога в Суздаль и область вятичей из южной Руси. Благодаря такому своему положению это племя должно было очень рано подвергнуться культурному влиянию юга чрез Киев и востока чрез северян. Наша летопись выставляет их на самой низкой степени цивилизации, в виде дикарей, живущих в лесах и ведущих животную жизнь, но это не более как субъективные воззрения христианина, который и северян, стоявших на довольно высокой степени культуры, характеризует точно так же. Однако лишь только они сталкиваются с русскими князьями, то оказывается, что они еще раньше платили дань хазарам по шелягу от сохи⁴¹, что указывает на занятие земледелием, а употребление звонкой монеты указывает на торговое сношение с Византией. Занимая бассейн реки Сожа, радимичи расселялись гораздо далее в юго-восточном направлении, в область Десны и Сейма, а на восток – в область Оки, отделяя таким образом Северскую область от вятичей⁴². Тут мы опять замечаем тяготение на юго-восток благодаря притягательной силе, являвшейся там в виде торговли. Такое распространение поселений радимичей в землю северян продолжалось до тех пор, пока последние, будучи отрезаны кочевниками от юга, обратились на север и быстро распространили свое влияние на радимичей, так как

по культуре все-таки стояли выше их как непосредственно имевшие столкновение с культурными странами; в XII в. мы встречаем у радимичей города Гомы, нынешний Гомель, и Чичерск⁴³. Они принадлежали к Черниговскому уделу.

Племя кривичей, выселившее из себя население Новгорода, Пскова, Полоцка, простирало свои поселения далеко на юго-восток, что можно заключить по местностям, носящим их племенное название. Эти поселения простирались в бассейн Дона, Волги и доходили на юге до Десны⁴⁴. Причина этого их распространения была та же, что и у радимичей. Но дальнейшее их движение в этом направлении было остановлено северянами, обратившимися к колонизации Севера. Кривичи тогда обратились к западу и завязали усиленную торговлю с Европой. Порубежье между поселениями кривичей и северян, судя по возникшим впоследствии границам Черниговского и Смоленского княжеств, проходило по верховьям Угры, Десны, затем к верхнему течению Сожа⁴⁵.

Обратимся теперь к вятичам. Легенда помещает их, как мы видели, по Оке, но поселения их простирались гораздо далее на юг и юго-восток. Приблизительно можно сказать, что селения вятичей в первые века нашей истории простирались до реки Лопасны на севере и до верховьев Дона на востоке⁴⁶. Границею между поселениями северян и вятичей служил, по всей вероятности, судя по сохранившимся названиям местностей, лесистый и холмистый водораздел между

деснянскими притоками, Нерусою, Невлею, Ревною и Болвою, с одной стороны, и окским притоком, Жиздрою, – с другой. С юга их расселения едва ли не ограничивались побережьем Зуши, так как тут находится известный в XII в. Мценск, который был уже вне области вятичей⁴⁷.

Восточные поселения вятичей шли в область муромы и мери, о которых будет речь впереди. Вся эта местность была покрыта густыми лесами и топиями, что сохраняется отчасти и теперь. Эту-то суровую местность занимали вятичи⁴⁸.

Относительно вятичей мы встречаем в летописи ту же характеристику, что и о радимичах и северянах. Мы видели, насколько она несостоятельна для культуры радимичей, то же самое является и по отношению вятичей. Когда они находились в зависимости от хазаров, то платили им вместе с полянами и северянами, по белке от каждого дома⁴⁹, что указывает на сильное распространение охотничьего промысла. Но в 964 г. на вопрос Святослава: «Кому дань даете?» – они отвечали уже: «Хазарам по шелягу от сохи»⁵⁰. Таким образом, отсюда как бы вытекает, что за какие-нибудь сто лет культура вятичей настолько поднялась, что они от охотничьего промысла перешли к земледелию, но едва ли это так. По всей вероятности, вятичи издавна и возделывали землю и занимались охотой. За такой короткий срок такой разительной перемены произойти не могло, а этот факт показывает, что в первое время вятичи были в меньшей зависимости от

хазаров, и дань состояла только в мехах, необходимых хазарам для южной торговли: последние не проникали в глубь Вятичской земли. Но коль скоро мы встречаем дань от плуга, то ясно, что наложившие дань проникли глубже в подчиненную страну, ближе ознакомились с ее экономическим положением. Занятие земледелием, меховая торговля с хазарами должны были благоприятно действовать на поднятие культуры вятичей на значительную ступень.

Вначале северян и вятичей связывал общий интерес в южной торговле; поэтому-то, вероятно, и произошло свободное расселение поселков одних племен между другими, как, например, радимичей и кривичей в области северян; то же, вероятно, было и с вятичами. Точно так же и северяне селились между другими племенами. Но вернее, что в данную эпоху движение происходило на юг и северян, и вятичей, и радимичей, и кривичей, и только с ослаблением торговли на юге начинается обратное движение на север, к чему побуждала северян уже приобретенная привычка торговли, деятельности, ненужной более в области Дона и Волги. Это движение северянского племени должно было совершаться по самым удобным путям сообщения – рекам. Прямую дорогу на север представляла многоводная в то время река, Десна. По ней-то и началось теперь подчиняющее движение в область вятичей. Колонизация вятичской области восточной частью северян, т. е. из бассейна Сейма, была невозможна по недостатку естественных путей и потому что на

ее долю выпало другое назначение – отстаивать от кочевников пределы Северянской области и начать снова колонизацию на юг. Во все время самостоятельного существования Черниговской области земля вятичей тянула к ней⁵¹, что ясно указывает на источник колонизации. Впоследствии новгород-северские князья только постарались стать на дороге Чернигова и области вятичей, чтобы разъединить их: они утвердились в Новгород-Северске. И раньше, до княжеского периода, вероятно, были в земле вятичей жители из северян, так как к этому побуждала торговля, но их поселения, равно как и собственно вятичские, не были огорожены городом, а служили как центры, где совершался обмен произведений, при совершенно мирных взаимных отношениях. Если летопись упоминает города Брянск, Карачев, Мценск, Козельск и Дедославль поздно, только начиная с XII столетия, то это потому что она говорит о них при случае. Но существование Дедославля и Козельска должно отнести к глубокой древности. Первый из них был центральным городом земли вятичей: тут собиралось их вече. Самое название – Дедославль – указывает, что это поселение существовало весьма давно. Точно также Брянск, Карачев и Мценск, стоя на порубежье северян с вятичами, служили сначала складочным местом произведений области вятичей и северян, служивших проводниками торговли с культурными странами. С изменением обстоятельств, когда началось подчинение вятичей сначала киевским князьям, а затем черниговским, эти первоначаль-

но мирные, торговые центры обратились в укрепления, огорожились городом: и Козельск, и Дедославль, и Брянск стали городами в полном смысле этого слова. Под прикрытием таких укрепленных мест вятичи были подчинены северянами, хотя это подчинение было скорее федеративное соединение, как мы увидим ниже. Когда совершилось это постепенное соединение области вятичей с землей Северской, то прежде всего жителям последней необходимо было обезопасить или прочно утвердить путь, по которому совершалось колонизационное, подчиняющее движение к вятичам. Этот путь была Десна, и вот, действительно, у верховьев ее мы встречаем группу укрепленных мест. В числе городов, закреплявших верховье Десны, в летописи упоминается: Вщиж, Блехе, Росуса, Девягорск, Воробьин, Домагощ⁵². Определить по тем летописным известиям, какие у нас есть, где находились данные укрепления, совершенно невозможно. Можно только сказать, что все они размещались частью на Десне, частью на ее верхних притоках. Область вятичей имела в княжеский период важное стратегическое значение: это был главный путь из Суздаля в Северскую землю. Святослав попал на Волгу только чрез вятичей, и, хотя летопись говорит: «налѣзе», т. е. набрел случайно, смело можно сказать, что он раньше знал этот путь от самих же вятичей, служивших в дружине Олега; кроме того, племена не жили изолированно одно от другого, а вели непрерывные сношения, чему, как мы видели, служит подтверждением смешение поселений различ-

ных племен в области северян.

Теперь мы переходим к взаимным отношениям мери и муромы с одной стороны и северян – с другой.

К северо-востоку от вятичей по берегам Ростовского и Клешинова озера жило племя мери⁵³. Но территория этого племени была гораздо обширнее⁵⁴. Нам следует только определить границу этой области с вятичами, а много говорить о ней нам нет нужды, потому что меря шла по исторической дороге совершенно отдельно от занимающей нас области северян. Граница с областью вятичей проходила от устья Москвы реки по Оке, мимо устьев Пары и Протвы, далее по Оке, вероятно, до Неринска⁵⁵, и затем по сухому пути через Тульскую и Рязанскую губернии к Оке⁵⁶. Эта же граница осталась впоследствии между владениями Суздальскими и Черниговскими. Племя мери вместе с весью издавна было участником в исторической жизни северных славян-кривичей и ильменских славян, и уже легенда о призвании варягов помещает у них посадников Рюрика, Синеуса и Тривора⁵⁷. Впоследствии меря принимала участие в походах киевских князей на Византию⁵⁸ и, таким образом, должна была столкнуться с южными культурными странами. Но это столкновение произошло гораздо раньше, в незапамятные времена, на что ясно указывают последние раскопки в этой области. В числе монет найдены: одна, относящаяся ко времени Филиппа Македонского, арабские – к VII столетию, западные – к

IX, X вв. и далее⁵⁹. Кроме них находится множество предметов утвари и украшений несомненно византийского и арабского происхождения. Итак, сношения с Византией и арабами должны были начаться очень давно, но нечего и говорить, что самые тесные и, конечно, дружественные отношения существовали между мерей и соседними славянскими племенами, кривичами и вятичами. Этому способствовала местность, не представляющая преград сношениям, но также и общность интересов торговли с западной Европой, Византией и арабами. Судя по археологическим находкам, эти отношения были столь близки, что способствовали обмену обычаям. Так, мы находим известие в летописи о том, что вятичи и северяне сжигают мертвых и пепел, собирая в урны, ставят на распутии, насыпая курган⁶⁰. Теперь раскопки подтвердили одинаковость погребальных обрядов у вятичей, северян и мери со всеми мельчайшими подробностями⁶¹. Затем, среди находимых вещей очень часто в мерянских курганах попадаются серебряные гривны на шеях покойников⁶², предметы чисто славянские, обратившиеся потом в монетную единицу. Поэтому нельзя отрицать, что поселения вятичей и кривичей проникали в землю мери; точно так же должно допустить и обратное движение. Я не говорю здесь о позднейшей насильственной колонизации и порабощении в княжеский период, а о том отдаленном времени, когда колонизация обуславливалась мирными и, непременно, общими интересами.

Указание легенды, что ильменские славяне, кривичи, чудь, весь и меря уже в отдаленное время составляли какой-то союз, значит не более, что это была федерация, вызванная общностью интересов этих племен, а никак не раннее ославянение, вызвавшее упорную борьбу со стороны этих племен⁶³. Этих нескольких слов достаточно для характеристики наших соседей, вошедших потом в состав Суздальского княжества. Гораздо более связана с историей северян судьба другого племени – муромы. Оно занимало нижнее течение Оки почти до самого устья⁶⁴. Но, судя по существующим топографическим названиям, можно допустить, что область муромы простиралась от города Муром вверх по Оке, на запад до пределов мери и на север до водораздела между Окою и Клязьмою. Восточная граница муромы шла с мордвою и черемисою, но определить ее невозможно, потому что мордовские и черемисские поселения шли в область муромы и смешивались в ней с муромскими. Область мордвы могла простираться по южному берегу Оки и по правым притокам ее вдоль южных границ муромы и мери далеко на запад в соседстве славянского племени вятичей⁶⁵. Та же самая легенда об образовании Русского государства ставит мурому в число племен, подчинившихся трем князьям, что указывает на очень давнее соединение муромы со славянскими племенами, но ославянение ее произошло уже гораздо позднее, в эпоху разделения на уделы, когда на-

чалось сильное движение из Северянской области, обусловливавшееся стремлением черниговских князей укрепить за собою эту область. Об этом колонизационном движении мы будем говорить, излагая историю северян эпохи Святослава Ярославича. В докняжескую эпоху муромы также подверглась сильному влиянию соседних славянских племен вятичей и кривичей, происходил взаимный обмен обычаями, обмен языка, но муромская народность сохраняла свою независимость, свой язык, свои верования, на что указывает та борьба, которую подняло в XI в. это племя против притязаний черниговских князей⁶⁶. У нас сохранилось несколько любопытных известий об обрядах муромы в конце XI столетия: «...очныя ради немощи въ кладезяхъ умывающеся и сребреницы на ня повергающе, дуплинамъ деревянымъ ветви убрусцемъ обвешивающе и симъ поклоняющеся». Когда кто-нибудь из них умирал, то «...древололазная съ ними въ землю погребаяще и битвы и кроение лицъ настрекание и дракия творяще»⁶⁷. Этот небольшой отрывок указывает на обычаи, которые были распространены и среди славянских племен. И теперь еще можно встретить в народе верования в целебность воды известных границ и источников. Погребальные обряды имели также общее со славянскими: на могилах совершались тризны (битвы и кроения), а вместе с покойником клали, как и у славян, необходимые ему вещи и орудия ремесла. Последние раскопки, сделанные гр. Уваровым и В. Б. Антоновичем, подтверждали торговлю муромы с арабами

и показали, что это племя уже в языческий период стояло на довольно высокой степени культуры, развитию которой способствовало географическое положение на нижнем течении Оки, почти у устья ее в Волгу, чрез которую совершалась торговля севера с Западной Европой, и смежность территории с торговым Болгарским царством. Важность муромской территории очень хорошо понимали черниговские князья, но не сумели своими мерами связать ее с Северной землей, а понудили только к отделению и образованию самостоятельного княжества. Однако мурома до своего отделения тянула несомненно к области северян, и город Муром служил таким же крайним торговым пунктом для северян на севере, каким был для них на юге Тмутаракань. Эта связь указывает нам то, что по преимуществу славянские поселения в Муромской области были из земли северян, которые селились там чрез Дон, верховья которого близко подходят к бассейну Оки. Мы видели, что связь между вятичами и северянами существовала издавна. Вятичи занимали верхнее течение Дона, окружали таким образом мурома с юга и очень рано проникли в ее область, за ними следовали северяне. Принадлежность муромы сначала к северной федерации вовсе не указывает, будто славянский элемент в области ее принадлежал кривицкому племени. Это предположение уничтожается последующей исторической судьбою муромы, именно ее связью с Северной областью. Это участие в северном союзе объясняется совершенно естественно, если мы обратим внимание на

самые факты. Хазары брали дань с северян и вятичей именно потому, что поселения первых окончательно входили в область хазарских владений, распространяясь по Дону и Волге, а вятичи жили по верховьям Дона и таким образом соприкасались с Хазарским каганатом. Эти-то донские и волжские населения и стали платить прежде всего дань, откуда она распространилась в глубь их областей. Мы видели, что хазары не сразу проникли в область вятичей и ознакомились с их экономическим бытом, поэтому-то они не успели еще проникнуть чрез донские поселения вятичей к муроме, которая таким образом стала платить дань норманнам и вошла на время в северную федерацию.

Богатство народонаселения, благодаря сильно развитой торговле с арабами и Западной Европой, географическое положение, о котором мы уже говорили, – все это должно было развить в Муроме стремление к самостоятельности, к отделению от области, к которой она становилась в XI в. в политическое подчинение. Старание черниговских князей закрепить за собой эту область еще более усилило это стремление, которым определился и весь ход исторической жизни Муромской области, или последующего Рязанского княжества.

Ознакомившись таким образом с племенами, которые являются действующими в нашей истории, проследив, насколько возможно, их взаимные отношения, которыми определился политический ход исторической жизни северян, мы постараемся дать хотя слабый очерк промышленности и тор-

говли Северной земли.

Глава II

Промышленность и торговля

Мы отчасти знакомы с теми географическими условиями, в которых находилась Северская земля. Мы видели, что они должны были способствовать развитию промыслов и торговли.

И действительно, новейшие открытия археологии вполне подтверждают наш вывод. Но прежде чем обратиться за помощью к этой науке, возьмем главный наш источник летопись и прочтем следующее: «А радимичи и вятичи и северь одинъ обычай имяху: живяху въ лесехъ, якоже всякий зверь, ядуще все нечисто...»⁶⁸

Но это известие нашего летописца, полянина, опровергается его же собственными позднейшими заметками, показывающими, что культура северян стояла гораздо выше, чем он старается ее выставить.

Громадные леса Северной земли способствовали развитию звериного промысла. В них водились животные, которые теперь или вовсе не встречаются, или попадаются очень редко. Так, из Поучения Мономаха видно, что в XII в. здесь водились следующие животные: дикие быки, олени, лоси, кабаны и медведи⁶⁹, на которых он охотился в бытность свою черниговским князем. Еще раньше его Мстислав Ярославич,

занявши черниговский стол, производил охоту в соседних лесах, на которой и простудился⁷⁰

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.